

10. Rakhimov R. Kh. Gramota khranitel'ya Yurumskoy astany (novyy istochnik ob islamizatsii Sibiri) [Diploma custodian Urumchi Astana (the new source of Islamization in Siberia)]. *Zemlya Tyumenskaya: ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [The Land of Tyumen: The Yearbook of the Tyumen Regional Museum of Local History]. Tyumen, 2005, iss. 18, pp. 178-191. (In Russ.).
11. Serov N.V. *Tsvet kul'tury: psikhologiya, kul'turologiya, fiziologiya* [Color of culture: psychology, cultural studies, physiology]. St. Petersburg, 2003. 322 p. (In Russ.).
12. Spodina V.I. Izobrazheniya cheloveka v kul'ture obskikh ugrov: mirovozzrencheskiy aspekt [The image of man in the culture of the Ob Ugrians: the philosophical aspect]. *Sovremennaya finno-ugorskaya filologiya: teoriya i praktika: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Modern Finno-Ugric Philology: theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Khanty-Mansiysk, 2016, pp. 342-363. (In Russ.).
13. *Utvar' obskikh ugrov (khanty i mansi): al'bom etnograficheskikh risunkov* [Utensils Ob Ugrians (Khanty and Mansi): album of ethnographic drawings]. Khanty-Mansiysk, Print-Klass Publ., 2012, vol. 1234 p. (In Russ.).
14. *The Jews. A treasury of Art and Literature*. New York, Beaux Art Edition Publ., 1992. 384 p. (In Engl.).
15. Naumenko O. N., Naumenko E. A. The Ob Ugrians-Muslims: Historical and Psychological Factors of the Islam Penetration in the Traditional Culture. *Bylye Gody*, 2018, vol. 49, iss. 3, pp. 931-939. (In Engl.).

УДК 008:94(47).01/07

ОБРАЗ «ЧУЖОГО» В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ФРАНЦУЗЫ В РАССКАЗАХ ОЧЕВИДЦЕВ 1812 ГОДА

Красильникова Оксана Сергеевна, ст. преподаватель, Кемеровский государственный университет; соискатель, кафедра культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: oks-vulf@yandex.ru

Межкультурная коммуникация проявляется в миграции, миссионерстве, торговле, завоевательных походах, дипломатии, войнах. Эти формы фиксируют противостояние «Своего» и «Чужого». Поэтому оппозиция «Свой – Чужой» носит универсальный, постоянный характер, имея отношение ко всем сферам человеческого бытия. Наиболее ярко образ «Чужого» проявляется в военных столкновениях, дополняется и уточняется. Отечественная война 1812 года сохранилась в русской культуре в разных источниках, среди которых мемуары дворянства, рассказы обывателей.

На основе рассказов очевидцев 1812 года, собранных исследовательницей XIX века Татьяной Толычевой, проведен анализ и выявлено отношение обывателей во время войны к противнику. Особое внимание в статье уделено проблематике «Чужого» в межкультурной коммуникации, отмечены разные подходы в понимании «Чужого», указана дискуссионность данной темы, актуальность изучения этого вопроса. Анализ источников позволил выявить двойственное, иногда противоречивое отношение к чужому в представленный период. Автор отметил исключительность данного вида источника. Рассказы очевидцев дополняют восприятие «Чужого» в русской культуре указанного периода. Война 1812 года актуализировала диалог русской и французской культуры и представила иные образы француза. В заключении представлены разные подходы исследователей в теоретическом понимании «Чужого» в межкультурной коммуникации. Полученные материалы могут быть использованы в курсе культурологии, истории России, межкультурной коммуникации для наполнения конкретным фактологическим материалом.

Опыт осмысления образа «Чужого» в русской культуре XIX века помогает оценить динамику взаимодействия двух культур.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, образ, «Чужой», Отечественная война 1812, французы, русские.

THE “FOREIGNER” IMAGE IN INTERCULTURAL COMMUNICATION: FRENCH IN THE EYEWITNESSES’ OF 1812 STORIES

Krasilnikova Oksana Sergeevna, Sr Instructor, Kemerovo State University; Applicant of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oks-vulf@yandex.ru

Intercultural communication presented in different migration forms, missionary work, trade, conquests, diplomacy, wars. These forms are fixed on confrontation between the “Native” and “Strange”. The opposition “Native” and “Strange” is universal and constant in the sphere of human existence. A “strange” image becomes intense in a military conflict. Patriotic War of 1812 preserved in Russian culture in various sources memoirs of the nobility and stories of ordinary people.

The main data for the study of “strange” image were stories of eyewitness of 1812 collected in the 19th century by Tatiana Tolacheva. The materials are stored in the Russian State Library. We analyzed the attitude of ordinary people during the war of 1812 to the enemy. We paid attention to the problem of “strange” in intercultural communication, noted different points of view, pointed out the relevance of this question and problems. An analysis of documents defined contradictory attitude to “strange” and to enemy. These stories of eyewitnesses about the Patriotic War of 1812 helped form image of “strange” in the Russian culture of the 19th century. We are to use this information for lectures on history of Russia, culturology and intercultural communication. The Patriotic War of 1812 actualized a dialogue between French and Russian cultures and creates new image of the French in Russian culture of the 19th century. The conclusion presented different theoretical opinions about problems of “strange” in the intercultural communication.

The experience of understanding the image of the “Strange” in the Russian culture of the 19th century helps analyze the dynamics of interaction between the Russian and French cultures. In theoretical interpretation the article presents the fundamental problem of culturologic studies of the opposition “Native” and “Strange”.

Keywords: intercultural communication, image, “Strange”, Patriotic War of 1812, French, Russian.

Проблематике межкультурной коммуникации в культурологических исследованиях на сегодняшний день уделяется пристальное внимание. Каналами межкультурной коммуникации могут быть: торговля, образование, общественная и международная дипломатия, войны. В ходе войны всегда формируется образ «Чужого», врага, открываются неизвестные черты национального характера противника. Поэтому изучение опыта межкультурной коммуникации прошлого позволяет оценить динамику взаимодействия двух культур, увидеть исключительность собственной национальной культуры, найти примеры положительного отношения к «Чужому», к врагу. Отечественная война 1812 года позволяет проанализировать культурный диалог России и Франции, который не прекращался на протяжении всего XIX века. Поэтому военные события и исторические примеры XIX века интересны с точки зрения современного диалога культур в XXI веке.

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы проанализировать образ француза 1812 года в рассказах очевидцев, собранных Т. Толычевой, как пример межкультурной коммуникации русских и французов XIX века. А также выявить особенности образа врага, отметить противоречивые оценки в восприятии обывателей. Для достижения данной цели мы изучили собранные в XIX веке рассказы очевидцев, выходцев из крестьянской, мещанской, купеческой среды, духовенства.

В 1872 году, спустя 60 лет после Отечественной войны, увидел свет сборник рассказов Т. Толычевой (1820–1885) о событиях войны. Уникальность сборника заключалась в том, что собирательница свидетельств записала рассказы очевидцев разных сословий – крестьян, мещан, провинциального духовенства, купечества. Ей удалось собрать более 30 рассказов о событиях Отечественной войны. Рассказы эти отличает удивительная простота, искренность, что, в свою

очередь, создает очень яркие картины происходящего и образы как русских, так и французов. Исключительность сборника связана с тем, что он позволяет расширить круг источников, который обширно представлен мемуарной литературой дворянства. Например, с 1830 по 1850 год было опубликовано около 100 дворянских мемуаров [4, с. 67]. В воспоминаниях, собранных Т. Толычевой, сохранилось много отрывочных рассказов, которые не нашли отдельного места в издании в силу своей эпизодичности. Поэтому она объединила эти записи в образе безымянной старушки. В предисловии автор предупредила своих читателей, что, несмотря на то что данный персонаж собирательный и созданный автором, «я не позволила вложить в ее уста ни единого вымышленного слова» [15, с. 5]. О популярности «Рассказа старушки о двенадцатом годе» свидетельствует тот факт, что книга издавалась 12 раз [4, с. 69]. Рассказы очевидцев Т. Толычевой были популярным чтением XIX века в домашнем кругу. Татьяна Толычева – это псевдоним Екатерины Владимировны Новосильцевой, которая была известным литератором, публицистом XIX века. Отец писательницы – Владимир Григорьевич Новосильцев, офицер 16-го Иркутского гусарского полка, принимал участие в войне с Наполеоном и вел походные записки [5, с. 62]. Возможно, это и побудило писательницу к сохранению памяти о событиях 1812 года. Историки оценивают ее записки как достоверный источник [4, с. 67].

Рассказы о войне 1812 года повествуют о частной жизни, тяжелых бытовых условиях, взаимоотношениях между русскими и французами. В рассказах представлен разноплановый образ врага. Очевидцы оценивают французов двойственно. Можно встретить такие характеристики, как мародеры, злодеи, псы, так и жалостные – «жалко их сердечных... не своею волею шли» [14, с. 54]. Через это сожаление о враге у читателя и исследователя формируется зеркальный образ русского народа, который страдает несчастным, попавшим в плен.

Но в большинстве рассказов встречаются все-таки образы мародеров, злодеев. Об этом свидетельствует рассказ дворянки. Например: «Целая толпа ворвалась в монастырь и давай грабить <...>. Это они злодеи, притащили наших вешать: зажигателей <...>. Хватали кто под руку

попался <...> накинули им веревку на шею <...> у злодеев не дрогнула рука» [7, с. 7–10]. Картины грабежа, бесчинства представлены во всех рассказах очевидцев. Купец А. Д. Сысоев: «Приходили к нам французы <...> что им попадет, то отымут, и все отдавали свое добро, лишь бы голова на плечах осталась <...> они с ружьями, да саблями, а мы с голыми руками» [8, с. 13]. Мещанин П. Кондратьев описывал грабежи и то, что вначале французы были шутивого нрава, но под конец приуныли: «<...> не пошло в впрок наше добро. И сам Бонапарт <...> сидел бы дома, так верней бы было» [9, с. 22]. Русские крестьяне, еще до начала войны, знали о том, что французы – это люди веселого нрава, шутники, проказники и любители вина. Упоминание о таком случае, и о том, как вино спасло русских женщин представлено в рассказе бывшей крепостной крестьянки А. А. Созоновой. Она, как и все очевидцы, вспоминает грабеж, учиненный французами. Они безжалостно грабили кладовые, сундуки рубили саблями и ловили женщин. Это бесчинство было остановлено догадкой дворового человека, который вынес из погреба вино и закричал: «Мусье, камрад, камь ля <...> Как французы увидали вино, бросили женщин <...> осушили бутылки и принялись уписывать окорок ветчины <...> «Хоть бы псам подавиться этою ветчиной. Нечто ее про них, окаянных, готовили» [11, с. 30]. Образ вора, грабителя, мародера очень ярко описан, но в то же время он переключается с образом пленного француза, которого уже жалко. Подобное настроение описала жена священника Марья Степановна Никольская: «Как нахлынут бывало неприятели, так своими руками кажется перевешала бы, а возьмут их в плен, так и злоба на них пропадет» [12, с. 37]. Такие же умонастроения встречаются у многих очевидцев: «А они сердечные, чем виноваты?» [11, с. 32]; «Вижу куда поволокли бедного француза...» [8, с. 14]; «<...> ведь они тоже не звери какие» [12, с. 47]; «Ведь не своею волею шли, – говорили крестьяне, – нас пошлют, так и мы пойдем. Люди тоже подневольные <...> Ишь, сердечные, все в крови, да как умаялись! Говорили бабы и угощали их также, Христа ради, чем Бог послал» [14, с. 53–54].

Образ француза как врага, «Чужого» во время войны в рассказах обывателей XIX века не всегда однозначно негативный. Русские отме-

чали их храбрость: «молодец, бравый такой», «дрались храбро нечего сказать, молодцы... <...> были». Очевидцы вспоминали и веселый нрав, и шутливость французов: «...веселый народ нечего сказать...<...> Раз встретился мне француз: ехал верхом и каску держал в руке, а на голове у него кокошник. Едет, подбоченясь, ...<...> а сам смеется» [8, с. 16]. В другом воспоминании, мешанина Петра Кондратьева, упоминается шутка французов: «Шутники такие были! Принесли бочонок спирта и отца угощают, а сами переглядываются. Отец не стал пить: «Это говорит не добре!» Расхохотались они, что русский-то догадался» [9, с. 22]. Крестьянин, который испек французам хлеба из своей муки и получил за свой труд хлеб, вспоминал, что французы – «добрые люди...<...> дали нам за труды» [8, с. 15]. В воспоминаниях упоминается о том, что пленные французы оставались и «век у нас свековали», хорошо выучили русский, были хорошими работниками: «Здоровенный старик, иного молодого за пояс заткнет, как его имя не знаю, все зовут его Французом, и все его любят. Добрый он такой, и веселый» [13, с. 48].

Анализируя эти воспоминания, мы отметили удивительное свойство русского народа – жалость к врагу, никакого торжества или злорадства, когда замерзшие французы отступали. И купец, и монах одинаково с состраданием вспоминали: «Кто в женском капоте, кто в капоре, кто подвязал уши полотенцем, кто в поповской ризе...»; «Нам от них плохо пришлось, да и они немало горя приняли. Чего они не натерпелись, как шли от нас назад! Видимо и мы, и они прогневали Господа» [8, с. 16; 10, с. 27].

Таким образом, в рассказах очевидцев представлены двойственные, противоречивые образы «Чужого». С одной стороны, это негативные характеристики французов завоевателей, с другой – понимание того, что эти французы «люди подневольные», к пленным французам русские проявляли и сострадание, и милосердие, и со-

чувствие. Рассказы очевидцев 1812 года стали важным источником о бытовом взаимодействии русской и французской культур в условиях военного времени. Это общение способствовало формированию образа «Чужого» в народной культуре. С точки зрения межкультурной коммуникации эти рассказы интересны еще и тем, что отражают зеркальный образ самих рассказчиков.

В теоретическом плане образ «Чужого» в межкультурной коммуникации – дискуссионная проблема, которая представлена различным пониманием «Чужого». Можно отметить ряд ракурсов видения вопроса. В семиотической концепции Ю. М. Лотмана противопоставление «Свое – Чужое» всегда связано с пониманием границы между «Своей» и «Чужой» культурой. В концепции этногенеза Л. Н. Гумилева проблема «Чужого» раскрывается через противопоставление этноса всем остальным на основе деления «мы» – «не – мы». Р. М. Шукуров отметил, что абсолютно «Чужое» всегда непостижимо, в случае, если «Чужое» осознается, как «Свое», то «Чужое» растворяется в «Своем». В. И. Марков отмечает, что проанализировать «Свое – Чужое» можно с точки зрения системного понимания культуры. Поскольку ни одно явление невозможно оценить только в положительном или отрицательном ключе, каждый раз важны конкретные условия, «Чужой» не всегда воспринимается негативно, иногда его значение амбивалентно. Кроме того, отношение к «Чужому» в европейской и восточной традиции различаются. В европейском понимании присутствует жесткая дихотомия «Своего» и «Чужого». На Востоке противостояние «Свое – Чужое» смягчается восприятием Иного [3, с. 85].

Мы полагаем, что русская традиция восприятия «Чужого» более близка к восточной. Образ «Чужого» в контексте событий Отечественной войны 1812 года позволяет проанализировать проблематику межкультурной коммуникации, отметить национальные особенности культурного диалога русских и французов.

Литература

1. Гумилев Л. Н. Этнический стереотип поведения // Этногенез и биосфера земли. – СПб.: Кристал, 2001. – С. 99–103.
2. Лотман Ю. М. Понятие границы // Внутри мыслящих миров. – СПб.: Азбука, 2016. – С. 200–221.
3. Марков В. И. «Свое» и «Чужое» в культуре // «Свое», «Чужое» и отчуждение в культуре. – Кемерово, 2001. – С. 72–99.

4. Острейковская Н. В. «Невоенная» история войны в записях Е. В. Новосильцевой (Т. Толычевой) // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология. – 2009. – Т. 9, вып. 4. – С. 67–70.
5. Строганова Е. Н. Е. В. Новосильцева как историк войны 1812 года // Культура и текст. – 2015. – № 2(20). – С. 61–70.
6. Толычева Т. Страницы святой жизни [Электронный ресурс] // Проза.ру. – URL: <http://www.proza.ru/2015/09/03/2000> (дата обращения: 19.07.2018).
7. Толычева Т. Рассказ дворянки Анисьи Павловны Полуярославцевой // Рассказы очевидцев о двенадцатом годе / [Соч. Т. Толычевой]. – М.: Университет. тип. (Катков и К), 1872. – С. 7–10.
8. Толычева Т. Рассказ Апполона Дмитриевича Сысоева из купеческого звания // Рассказы очевидцев о двенадцатом годе / [Соч. Т. Толычевой]. – М.: Университет. тип. (Катков и К), 1872. – С. 11–16.
9. Толычева Т. Рассказ мещанина Петра Кондратьева // Рассказы очевидцев о двенадцатом годе / [Соч. Т. Толычевой]. – М.: Университет. тип. (Катков и К), 1872. – С. 17–22.
10. Толычева Т. Рассказ Иеромонаха Чудова монастыря отца Павла (в миру Петр Григорьевич Боровский) // Рассказы очевидцев о двенадцатом годе / [Соч. Т. Толычевой]. – М.: Университет. тип. (Катков и К), 1872. – С. 23–27.
11. Толычева Т. Рассказ Набилкинской богоделенки Анны Андреевны Созоновой, бывшей крепостной Василия Титовича Лепехина // Рассказы очевидцев о двенадцатом годе / [Соч. Т. Толычевой]. – М.: Университет. тип. (Катков и К), 1872. – С. 28–34.
12. Толычева Т. Рассказ попады Марии Степановны Никольской Созоновой // Рассказы очевидцев о двенадцатом годе / [Соч. Т. Толычевой]. – М.: Университет. тип. (Катков и К), 1872. – С. 35–47.
13. Толычева Т. Разкащикь ранний священник церкви Филиппа митрополита на 3-й мыщанской, Федоръ Иванович Левицкий // Рассказы очевидцев о двенадцатом годе / [Соч. Т. Толычевой]. – М.: Университет. тип. (Катков и К), 1872. – С. 47–51.
14. Толычева Т. Французы в Горенках // Рассказы очевидцев о двенадцатом годе / [Соч. Т. Толычевой]. – М.: Университет. тип. (Катков и К), 1872. – С. 51–54.
15. Толычева Т. Рассказ старушки о двенадцатом годе, посвящается Елизавете Евграфовне Новосильцевой. – М.: Въ Университет. тип. (М. Катковъ) на страстном бульваре, 1878. – 94 с.
16. Шукуров Р. М. Введение, или Предварительные замечания о Чуждости в истории // Чужое: опыты преодоления. Очерки по истории культуры Средиземноморья. – М.: Алетейа, 1999. – С. 9–33.

References

1. Gumilev L.N. Etnicheskiy stereotip povedeniya [Ethnic stereotype of behavior]. *Etnogenez i biosfera zemli [Ethnogenesis and the earth's biosphere]*. St. Petersburg, Kristal Publ. 2001, pp. 99-103. (In Russ.).
2. Lotman Yu.M. Ponyatie granitsy [Concept of boundary]. *Vnutri myslyashchikh mirov [Inside thinking worlds]*. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2016, pp. 200-221. (In Russ.).
3. Markov V.I. "Svoe" i "Chuzhoe" v kul'ture ["Its" and "Outsider" in the culture]. "Svoe", "Chuzhoe" i otchuzhdenie v kul'ture ["Its" – "Outsider" and alienation in the culture]. Kemerovo, 2001, pp. 72-99. (In Russ.).
4. Ostreykovskaya N.V. "Nevoennaya" istoriya voyny v zapisyakh E.V. Novosiltsevoy (T. Tolychevoy) ["Non-military" history of war in the note E.V. Novosiltseva – T. Tolacheva]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya sotsiologiya. Politologiya [News of Saratov state University. Series Sociology. Political science]*, 2009, vol. 9, iss. 1, pp. 67-70. (In Russ.).
5. Stroganova E.N. E.V. Novosiltseva kak istorik voyny 1812 goda [E.V. Novosiltseva as historian of war 1812 years]. *Kul'tura i tekst [Culture and text]*, 2015, no. 2, pp. 61-70. (In Russ.).
6. T. Tolycheva. Stranitsy svyatoy zhizni [Pages of holy life]. *Proza.ru [Prose. ru]*. (In Russ.). Available at: [www/proza.ru/2015/09/03/2000](http://www.proza.ru/2015/09/03/2000) (accessed 19. 07. 2018).
7. Tolycheva T. Rasskaz dvoryanki Anisiyi Pavlovny Poluyaroslavtsevoy [The story of a noblewoman A.P. Poluyaroslavsky]. *Rasskazy ochevidtsev o dvenadtsatom gode [The story of eyewitness about 1812 year]*. Moscow, University printing house (Katkov and Company) Publ., 1872, pp. 7-10. (In Russ.).
8. Tolycheva T. Rasskaz Appolona Dmitrievicha Sysoeva iz kupecheskogo zvaniya [The story of the merchant A.D. Sisoev]. *Rasskazy ochevidtsev o dvenadtsatom gode [The story of eyewitness about 1812 year]*. Moscow, University printing house (Katkov and Company) Publ., 1872, pp. 11-16. (In Russ.).
9. Tolycheva T. Rasskaz meshchanina Petra Kondratyeva [The story of the tradesman P. Kondratev]. *Rasskazy ochevidtsev o dvenadtsatom gode [The story of eyewitness about 1812 year]*. Moscow, University printing house (Katkov and Company) Publ., 1872, pp. 17-22. (In Russ.).

10. Tolycheva T. Rasskaz Ieromonakha Chudova monastyrya ottsa Pavla (v miru Petr Grigoryevich Borovskiy) [The story of hieromonk of the Chudov monastery father Paul in the world, Peter G. Borovsky]. *Rassказы ochevidtsev o dvenadtsatom gode [The story of eyewitness about 1812 year]*. Moscow, University printing house (Katkov and Company) Publ., 1872, pp. 23-27. (In Russ.).
11. Tolycheva T. Rasskaz Nabilkinskoy bogodelenki Anny Andreevny Sozonovoy, byvshey krepostnoy Vasiliya Titovicha Lepekhina [The story of a former peasant serf A.A. Sozonova]. *Rassказы ochevidtsev o dvenadtsatom gode [The story of eyewitness about 1812 year]*. Moscow, University printing house (Katkov and Company) Publ., 1872, pp. 28-34. (In Russ.).
12. Tolycheva T. Rasskaz popad'i Marii Stepanovny Nikol'skoy Sozonovoy [The priest's wife's story M.S. Sozonova]. *Rassказы ochevidtsev o dvenadtsatom gode [The story of eyewitness about 1812 year]*. Moscow, University printing house (Katkov and Company) Publ., 1872, pp. 35-47. (In Russ.).
13. Tolycheva T. Razkashchik" ranniy svyashchennik tserkvi Filippa mitropolita na 3-y m"shchanskoy, Fedor" Ivanovich Levitskiy [The story priest's of the Church of Metropolitan Philip F. Levitsky]. *Rassказы ochevidtsev o dvenadtsatom gode [The story of eyewitness about 1812 year]*. Moscow, University printing house (Katkov and Company) Publ., 1872, pp. 47-51. (In Russ.).
14. Tolycheva T. Frantsuzy v Gorenkakh [French in Gorenki]. *Rassказы ochevidtsev o dvenadtsatom gode [The story of eyewitness about 1812 year]*. Moscow, University printing house (Katkov and Company) Publ., 1872, pp. 51-54. (In Russ.).
15. Tolycheva T. *Rasskaz starushki o dvenadtsatom gode, posvyashchaetsya Elizavete Evgrafovne Novosiltsevoy [The old lady's story about 1812 dedicated to E.E. Novosiltseva]*. Moscow, Katkov University press (M. Katkov) on Strastnoy Boulevard Publ., 1872. 94 p. (In Russ.).
16. Shukurov R.M. Vvedenie, ili Predvaritel'nye zamechaniya o Chuzhdosti v istorii [The notes about "Outsider" in the history]. *Chuzhoe: opyty preodoleniya. Ocherki po istorii kul'tury Sredizemnomor'ya [Someone "Outsider's" experience of overcoming. Essays on the culture of the Mediterranean]*. Moscow, Aleteya Publ., 1999, pp. 9-33. (In Russ.).

УДК 394

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ В КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ЭПОХУ ОСУЩЕСТВЛЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ишутина Юлия Александровна, кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой китаеведения Восточного Института, Школа Региональных и Международных Исследований, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, РФ). E-mail: ishutina.yua@dvfu.ru

В статье рассматривается вопрос о трансформации статуса женщины в континентальной (КНР) и островной (КР) части Китая в эпоху осуществленной модернизации. Изменения в социальном статусе женщины зависят не только от стартовых условий: места рождения, доступной образовательной среды, наличия средств на дополнительное образование, особенностей личности и характера, воли и стремления к победе над обстоятельствами, но, в большей степени, от воли семьи как первичного социального института китайского общества, стабильно сохраняющего конфуцианское ядро. Известная степень социальной мобильности, с одной стороны, позволяет китайке ощущать себя современной женщиной, реализовать свой творческий потенциал и профессиональные интересы, с другой, значительно расширяет круг обязанностей, связанных с изменением в статусе, внутренней свободой, по-прежнему ограниченной рамками конфуцианского понимания телесной принадлежности. Наиболее чувствительные запреты возникают там, где распадается нуклеарная семья, и женщине отводится роль стороннего наблюдателя, так как рожденный в клане отца ребенок часто остается после развода супругов с отцом. С точки зрения традиционной культуры это явление вполне нормально, хотя нарождающаяся глобальная культура рассматривает такой исход как ущемление прав женщины. Ускоряющийся темп жизни вносит существенные изменения, касающиеся гендерных отношений внутри китайской семьи, и на